

Александр КНЯЗЕВ: Мне не слишком интересна современная музыка

Известия - 2001 - 12 апр. - 99
В Москве завершается музыкальный фестиваль, посвященный 100-летию Большого зала Московской консерватории. Одной из ярчайших его звезд стал виолончелист Александр КНЯЗЕВ. Его сольный концерт прошел с огромным успехом. Будучи редким гостем в нашей стране, он еще реже дает интервью.

— У вас репутация музыканта, играющего только классику. Неужели вы не хотели бы, чтобы кто-то из современных композиторов писал специально для вас?

— Не знаю. Мне не слишком интересна современная музыка. Исключение — Гия Канчели. Я сыграл его «Струну» для виолончели с оркестром. Это прекрасное произведение.

— Какие музыканты, если не секрет, оказали наибольшее влияние на ваше творчество?

— Прежде всего Мстислав Ростропович. Он был моим кумиром с детства. Наверное, если бы он не уехал из России, я был бы его учеником. Но я учился у него как бы заочно. Ведь процесс обучения сложный, это не только твой педагог, но и воздействие других музыкантов, личностей. Имя Ростроповича какое-то время было под запретом. Когда попал на его концерты — я тогда был начинающим, — они произвели на меня сильнейшее впечатление. Потом был период — из-за границы кто-то привозил записи, мы их слушали и восторгались. Позже, когда я впервые выехал за границу, на конкурс в Италию, то весь свой гонорар потратил на пластинки. В 1994 году мы встретились и познакомились лично. Это было в Париже, в его квартире. В заключение он подарил мне огромное количество своих дисков. И когда я признался, что почти все они у меня есть, он был очень удивлен и сказал, что может считать меня своим учеником. Позже выяснилось, что это было не просто фраза. Через год Ростропович пригласил меня принять участие в концерте в американском посольстве, который назывался «Мстислав Ростропович и его ученики в России». И это было приятно.

Очень близка мне по своей манере игры и английская виолончелистка Жаклин дю Пре. Невзоятная энергетика, эмоциональность. Считаю ее одной из самых гениальных виолончелисток нашего времени...

— Скажите, почему вы, уже будучи известным виолончелистом, стали осваивать еще и орган? В одной из рецензий вам приписывали такие слова: «Если голос виолончели напоминает человеческий, то орган — это голос Бога!»

— Эту красивую фразу кто-то придумал. Мне просто нравится звук органа. Может быть, еще и потому, что мой любимый композитор — Бах. Во всей его музыке есть органная основа — в про-

изведения для клавира, скрипки, виолончели. В двенадцати компакт-дисках у меня есть все органное творчество Баха в самом лучшем исполнении. Я посетил все места, связанные с жизнью великого композитора, играл в церкви, где он венчался с Анной-Магдалиной. Разве легко сказать, почему ты любишь кого-то или что-то? Любишь, потому что любишь, — и все. Играю все больше органных концертов, и это происходит само собой, я не предпринимаю для этого какие-то усилия...

— Что дает профессору Князеву преподавательская деятельность?

— Во-первых, никакой я не профессор, как пишут в программах и объявляют во время концертов. И даже звание доцента не удостоился за шесть лет преподавания в консерватории. Сейчас могу себе позволить иметь лишь двоих учеников. Времени не хватает: гастроль, достаточно бурная концертная деятельность. Конечно, преподаю не ради денег. На Западе мой частный урок стоит раз в десять дороже. Главное — удовлетворение, которое получаешь, когда видишь, как в твоих руках рождается музыкант. Я учу их играть ярко, оригинально, эмоционально. Чтобы добиться успеха — нужно иметь свой неповторимый почерк.

— Вы не заслуженный, не народный, не профессор и даже не доцент.

— За границей эти звания ничего не стоят. В нашей стране они все-таки что-то значат. Хотя все музыканты знают истинную цену званиям и именам. Я — просто солист Московской филармонии Александр Князев, и для меня главное — как можно чаще и интереснее играть в лучших концертных залах, понимание публики.

— Кажется, с этим-то у вас проблем нет. После каждого концерта зал долго скандирует «браво!». Сегодня вы в Москве, завтра — во Франции или Австралии.

— Да, мой творческий график распisan на два года вперед по дням.

— Но это же какой-то безумный музыкальный марафон.

— Не нужно высоких слов. Это просто моя работа. Если начнешь беречь, шадить себя, то ничего не получится. Нужно сильно чувствовать, чтобы заставить чувствовать других. И этим все сказано...

Татьяна ХАРЛАМОВА